

Глава 13. Ночь черна, ветер свиреп

Лю Тяньцзяо обвел взглядом ошеломленную толпу. Пока люди пытались осознать случившееся, он громко произнес:

— Последние дни я совсем обезумел от горя, чуть было не забыл о своем сыновнем долге. Спасибо брату Чэнци, что подсobil. Я этого вовек не забуду.

Лю Чэнци чуть не лишился рассудка, Лю Лаоэр тоже, да и прочие провожающие были на грани помешательства.

— Лю Тяньцзяо! — взревел Лю Лаоэр. Его глаза налились кровью, казалось, он готов был растерзать племянника на месте. — Ты всего лишь гэ'эр! Какое ты имел право разбивать горшок?! Это должен был сделать мой Чэнци!

Из толпы раздался суровый окрик:

— Цзяо Гэ'эр, ты зашел слишком далеко! Неужто законы предков для тебя — пустой звук?!

Говорил Лю Мин, старший сын главы клана. Его отец не смог прийти из-за обычая, запрещающего старикам провожать молодых, и Лю Мин, мнивший себя будущим главой, сразу решил навести порядок. Для него такое неповиновение было неслыханной дерзостью.

Но Лю Тяньцзяо, раз уж решился на подобное, не собирался пасовать перед бранью. Он поправил белоснежные траурные одежды и холодно ответил:

— Пусть я гэ'эр, но в законах черным по белому написано: если в семье нет сыновей, гэ'эр или женщина могут принять мужа в дом. И если дети возьмут фамилию матери, то они станут законными наследниками и продолжателями рода. Мой отец еще при жизни говорил, что найдет мне мужа, который войдет в нашу семью. Так почему же я не имею права разбить горшок?

— Ты еще даже свадьбы не сыграл! — проорал Лю Лаоэр. — О каких наследниках ты лепечешь?!

Юноша оставался невозмутим:

— Пусть брака еще не было, но отец выбрал мне мужа заранее. Мы договорились, что он станет примаком. Так что появление наследника — лишь вопрос времени.

Лю Мин прищурился, в его взгляде сквозило недоверие:

— Цзяо Гэ'эр, когда это твой отец успел тебя сосватать? Такими вещами не шутят.

— Мой отец действительно договорился о браке, — Лю Тяньцзяо и не думал отступать. — Просто в семье жениха недавно случилось несчастье, потому мы и не звали гостей на пир.

Сын главы клана был человеком тертым и сразу почуял неладное.

— Твой отец только преставился, — мягко, но с угрозой произнес он. — Мы понимаем, что горе могло помутить твой рассудок. Но если продолжишь в том же духе, придется отправить тебя в Цзинсиньтан, чтобы ты там в тишине пришел в себя.

«Прийти в себя» в Зале Успокоения Сердца на деле означало заточение. Местные заправила не терпели инакомыслия и использовали это место, чтобы ломать волю непокорных младших. Несколько лет назад одну девушку, посмевающую сбежать с возлюбленным от нежеланного брака, заперли там, и с тех пор о ней никто ничего не слышал.

Лю Тяньцзяо знал об этом и заранее подготовил ответ. Он достал из-за пояса нефритовую подвеску и высоко поднял её над головой:

— Я не лгу. Вот залог нашей помолвки.

Толпа ахнула. Все сразу узнали эту вещицу — это была подвеска семьи Вэй. Вэй Вэнькан носил её с самого детства, и в деревне о ней не слышал разве что глухой.

Своей сомнительной славой подвеска была обязана покойной матери Вэнькана. Старуха Вэй, презиравшая бедность односельчан, вечно бахвалилась этим украшением, желая подчеркнуть благородство своего рода. Она твердила, что это родовая реликвия ценой в сотни лан. Дошло до того, что местные воришки, соблазнившись наживой, украли её. Но когда принесли в ломбард, выяснилось, что Старуха Вэй просто водила всех за нос — цена нефриту была от силы три лана.

Воры тогда так разозлились, что подняли шум, и правда выплыла наружу. Когда стражники вернули украшение, в семье Вэй право не знали, радоваться или горевать. Вэнькан же от стыда больше не желал её носить.

После смерти матери у него не осталось денег даже на гроб. Он хотел заложить подвеску, но Старший Лю проявил благородство и сам купил ему гроб. Тогда Вэнькан силой всучил ему этот нефрит, желая хоть как-то отблагодарить за доброту.

Об этих тонкостях, кроме самого Лю Тяньцзяо, не знал никто.

Пусть история подвески была курьезной, но это всё же был нефрит, стоящий три лана серебром — больше, чем обычный выкуп за невесту в этих краях. Аргумент выглядел весомо.

Лю Чэнци, видя замешательство взрослых, занервничал:

— Он врет! Не верьте ему! Спросите сами у Вэй Вэнькана!

Лю Лаоэр тут же подхватил:

— Верно! Никто об этом и слыхом не слыхивал! Наверняка ты сам стащил эту побрякушку. Пока Вэнькан не подтвердит — слова твои ничего не стоят!

Гэ'эр держался уверенно:

— Разве правда может стать ложью? Мы решили обвенчаться, пока Вэнькан-гэ еще носит траур по матери, чтобы её душа на том свете была спокойна.

Он говорил так складно, что люди в толпе начали сомневаться: а вдруг и впрямь правда?

Только Лю Лаояо не верил ни единому слову. Его старший брат никогда не умел держать язык за зубами, и если бы такая сделка состоялась, он бы точно хоть раз да проговорился.

— То, что Цзяо Гэ'эр нашел себе опору — дело доброе, — вкрадчиво произнес Лю Лаояо. — Но раз твой отец ушел, мы, твои дядья, должны присмотреть за тобой и убедиться, что человек он достойный. Раз так, приведи завтра Вэнькана к нам, пусть все посмотрят. Идет?

Лю Тяньцзяо втайне стиснул зубы.

«Этот Лю Лаояо и впрямь непрост. Глядя на хищные взгляды толпы, я понимаю, что нельзя выказывать слабость»

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы, силясь сохранить спокойствие. — Завтра я приведу его, и пусть почтенные старшие станут нашими свидетелями.

Августовская погода капризна, точно дитя: только что сияли звезды, и вот уже разразилась гроза. С неба хлынуло как из ведра.

Вэй Вэнькан ворочался с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз под шум дождя, барабанящего по крыше. Эту кровлю совсем недавно помогал чинить Старший Лю... Юноша горестно вздохнул. Как переменчива жизнь — хороший был человек, да судьба оказалась к нему немилостива.

Тоска навалилась с новой силой. Сон улетучился окончательно. Хозяин дома поднялся, подошел к столу и хотел было налить холодной воды, чтобы унять жар в груди, как вдруг дверь с грохотом распахнулась. Темная тень ворвалась в комнату.

Вэнькан не верил в суеверия, пока не столкнулся с чем-то подобным воочию. Чашка выпала из его рук и разлетелась вдребезги.

— Кто здесь?! — выкрикнул он, не замечая, как дрожит собственный голос. — Нечего тут призраков строить!

— Я пришел за долгом... — голос тени звучал замогильно-холодно. — Помнишь ли ты, что задолжал?

— Какой долг? Я никогда и ничего не был должен!

— Подумай хорошенько... А не то не взыщи — я буду беспощаден.

Голос показался Вэнькану странно знакомым. Он быстро пришел в себя, схватил со стола кувшин и плеснул водой прямо в лицо незваному гостю.

«Призрак» отпрянул, выругавшись:

— Твою мать! Вэй Вэнькан, ты в своем уме?! Зачем людей водой обливать?

Молодой человек холодно усмехнулся:

— Я в покойника целился, откуда мне было знать, что это человек.

Лю Тяньцзяо, понимая, что сам виноват, перестал паясничать.

— Ладно, ладно. Зажигай свет, у меня к тебе дело на миллион.

— Нет огня, — отрезал Вэнькан.

— Слушай, ты вроде взрослый мужик, а жадничаешь из-за пустяков, — проворчал Лю Тяньцзяо.

— Я серьезно. Огня нет. Хочешь — сам поищи.

Юноша осекся. Он знал, что собеседник живет небогато, но чтобы в доме не нашлось даже

капли масла для лампы...

Вэнькан тем временем уже потянулся к двери, намереваясь выставить гостя вон.

— Стой! — Лю Тяньцзяо мертвой хваткой вцепился в косяк. — Ну нет света и нет, я же не смеюсь над тобой. Чего сразу выгонять?

— Дела обсуждают днем, — холодно бросил хозяин дома. — Твой визит среди ночи не прибавит нам доброй славы.

— До завтра времени нет! Дело горит, пусти!

Вэнькан не шелохнулся:

— Говори здесь.

Гэ'эр недовольно скривился:

— На улице ливень стеной! Хочешь, чтобы я промок до нитки? А если заболею — ты мне лекаря оплатишь?

Молодой человек на мгновение замешкался, и Лю Тяньцзяо, воспользовавшись заминкой, проскользнул в комнату.

— Ну и скряга! — буркнул он. — Зашел в гости, а ты как на иголках.

Вэй Вэнькан с трудом подавил раздражение.

— Говори уже, зачем пришел.

Лю Тяньцзяо огляделся. Нищета была кричащей: в комнате — лишь стол да кровать, на которой лежал старый, протертый до дыр бамбуковый мат.

«Ну и дыра, — подумал он»

Вспомнив осунувшееся, изможденное лицо Вэнькана, юноша невольно почувствовал жалость.

— Несладко тебе живется, а?

Любой другой на месте Вэнькана уже полез бы в драку, но тот лишь равнодушно ответил:

— Тебе-то что за печаль?

— Печаль самая прямая, — Лю Тяньцзяо бесцеремонно уселся на стул. — Старший Лю перед смертью говорил мне: ты человек способный и долг ценишь. Велел мне держаться тебя — мол, когда выбьешься в люди, и мне перепадет кусочек твоей удачи.

— Дядюшка Лю слишком высоко меня ценил, — голос юноши смягчился. — Я никогда не забуду его доброты. Если тебе что-то нужно — проси.

Тяньцзяо усмехнулся:

— Ты тоже считаешь, что он преувеличивал? И я так думаю. Ты же с голоду пухнешь, какая мне от тебя польза?

— Я... я в порядке.

— Уверен? Урожай только собрали, все в деревне хоть немного округлились, а ты еще больше высох. Небось, и зернышка в закромах нет? — Юноша сделал вид, что только сейчас вспомнил: — Ах да, у тебя же и земли-то нет, откуда зерну взяться.

Вэнькан не знал, как реагировать на прямоту этого гэ'эра.

— Не ломай голову. Завтра же пойду в город, найду работу.

— Какую работу? Титула у тебя нет, образования не хватило. Счетоводом? Так туда без протекции не попасть. Книжки переписывать? Все места в округе давно заняты школярами из бедных семей.

Лю Тяньцзяо замолчал, словно всерьез раздумывая над его судьбой.

— А, вспомнил! Можешь на рынке стоять, письма за неграмотных писать. Только там уже старый туншэн сидит, видел его? Весь день на ветру да под дождем, а заработка едва на лепешку хватает. Жалкое зрелище.

Хозяин дома, чье терпение подходило к концу, резко оборвал его:

— Тебе охота было среди ночи приходить, чтобы надо мной насмеяться?

Лю Тяньцзяо понял — пора переходить к делу.

— У меня есть способ вытащить тебя из этой ямы. Пойдешь на сделку?

<http://bllate.org/book/15343/1372749>